

Беседа 59 Снятие Спасителя с креста

Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело; и, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею

(Мф. 27,57 - 59).

И как уже настал вечер, — потому что была пятница, то есть день перед субботою, — пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер?

(Мк. 15, 42 - 44).

Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их; из Аримафеи, города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия, пришел к Пилату и просил тела Иисусова

(Лк. 23, 50 - 52).

После сего Иосиф из Аримафеи — ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев, — просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса

(Ин. 19, 38).

После того, как Спаситель наш претерпел столь позорную смерть от людей и за людей, оставалось еще снизить на одну степень смирения — быть погребенным как Сын Человеческий.

Евангельские повествования о погребении Спасителя представляют нам, во-первых, снятие Спасителя с креста и, во-вторых, погребение Его с предшествовавшим приготовлением и последовавшим охранением воинской стражей. Рассмотрим пока первое действие, где в таком поучительном виде изображают нам евангелисты Иосифа и Никодима.

Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса.

Аримафей — есть древний Гарамфаим, место рождения пророка Самуила, город, принадлежавший колену Ефремову (Цар. 1,1); у святого Луки называется он городом иудейским (23, 50), потому что со времени смерти Александра присоединен он был к Иудее (1 Мак. 11, 34). Богатство, каким владел Иосиф, делало его лицом сильным. С этим внешним преимуществом соединял он еще другое такое же преимущество. Он был *советник*, или *благообразен советник* — знаменитый член совета. Это значит, что он занимал высокое место в синедрионе. Гораздо важнее было то в Иосифе, что он, по словам святого Марка (15, 43), *ожидал Царствия Божия*, а по словам святого Луки (23, 50), был человек *добрый и правдивый*. Ни богатство, ни почести, которые заставляют иных забывать о небе, не препятствовали Иосифу ожидать того Царствия Божия, которое должно было открыться с пришествием Мессии; он, как праведный Симеон, жил ожиданием сего Царствия (Лк. 2, 25); чаяние сего Царства располагало его поступками, потому он в отношении к другим был добр, в отношении к Богу Израилеву был набожен и строгий исполнитель заповедей Божиих. *Который также учился у Иисуса*, или, как говорит святой Иоанн, был *ученик Иисуса* (19, 38). Тогда как синедрион ненавидел и преследовал Иисуса, тогда как Царство, проповедуемое Иисусом, так мало нра-

вилось людям, мечтавшим о земном величии и славе, Иосиф, богатый член синедриона, приходил слушать Иисуса и был усердным учеником Его. Святой Лука говорит о Нем: *не участвовавший в совете и в деле их* (23, 51), то есть прочих членов синедриона. Иосиф не участвовал ни в кровавом решении синедриона, определившем смерть Иисусу, ни в тех черных кознях и происках, которыми синедрион довел кровавое решение свое до исполнения. Он твердо помнил святое песнопение Давида: *блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе* (Пс. 1,1).

Святой Иоанн, сказав об Иосифе, что он был учеником Иисуса, прибавляет; *но тайный из страха от иудеев*. Он не открывал пред синедрионом своего уважения к ненавидимому Учителю и сносился с Ним не иначе, как скрытно от синедриона. Отечественный город Аримафея, довольно далекий от Иерусалима и находившийся на границе Галилеи, доставлял Иосифу удобство сноситься со Спасителем незаметно для подозрительных глаз синедриона. Господь так часто проводил время в Галилее и в Иерусалим проходил местами самарийскими. Иосиф пользовался этими случаями, чтобы слушать Божественного Учителя. Он не имел решимости быть открытым учеником Иисуса.

Он, придя к Пилату, просил тела Иисусова.

По римским законам, тела казненных преступников обыкновенно оставались добычею хищных зверей и птиц, но по просьбе родственников выдавались и для погребения. Иудеям предоставлено было право погребать преступников своих с дозволения прокуратора. Для таких людей около Иерусалима были два кладбища, одно для казненных лишением головы, другое для побитых камнями и повешенных. Синедрион, испросив дозволение перебить голени Иисусу и распятым с Ним, без сомнения, назначил тело Иисуса для кладбища повешенных злодеев, чтобы тем вновь всенародно надругаться над Иисусом. Иосиф думал не так. Он положил спасти от посрамления тело своего великого Учителя.

Осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова.

Чудная перемена в Иосифе! Пока Иисус был жив и окружен был славою Чудотворца и дивного Учителя, Иосиф опасался быть открытым почитателем Его. Теперь, когда Иисус умер на кресте, когда всякий закон уважения к Нему мог казаться обидой синедриону, Иосиф, член синедриона, является на виду у всех почитателем

Иисуса. Сколько надобно было иметь смелости и твердости, чтобы отважиться на то, что позволил себе Иосиф! Он является к Пилату с просьбой позволить ему погребсти Распятого. Хотя Пилат и признавал Иисуса невинным, однако не он ли предал Его на смерть, как ложного царя Иудейского? Далек ли был Пилат, столько не твердый в добре, от того, чтобы просьбу Иосифа объявить как участие в замыслах возмутительных? Что же касается до синедриона, то дело было очевидное, что он восстанет против Иосифа со всей злостью. Обычай древней иудейской набожности заботиться о погребении странников не мог защитить Иосифа от злобы синедриона. Он употребил столько труда, чтобы опозорить Иисуса во мнении народа, а член синедриона на виду народа почетно погребает Его. Не измена ли это синедриону? Не оскорбление ли это значению его в народе? И от кого же? В его глазах поступок Иосифа — обида ему, синедриону, и он отомстил потом Иосифу со всей злостью. Иосиф видел это — и решился на всё. «Пусть, — рассуждал он, — Пилат и синедрион думают обо мне, что угодно; пусть восстанут на меня с ненавистью члены синедриона — я сделаю свое дело, отдам последний долг моему Учителю; люди безжалостны были к Нему живому — как быть без жалости и к мертвому?» Иосиф решился на опасности. Откуда же такая смелость, откуда такая решимость в Иосифе, дотоле робком? О! как не припомнить и здесь пророческие слова Господа Иисуса: *когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин. 12, 32).

Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер? И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу.

Пилат удивился скорой смерти Иисуса и счел нужным спросить сотника: давно ли умер Он? Распятые оставались живыми до двух и трех суток. Господь Иисус пробыл на кресте не более трех часов. Значит, Он умер скоро, беспримерно скоро. Это удивило Пилата, тем более что не мог он забыть поразившей его мысли об Иисусе, Сыне Божиим. Если Иисус так скоро умер, думал Пилат, то это — милость свыше, сократившая страдания Невинного. Пилат спросил: давно ли Он умер? Вопрос предложен, очевидно, с той мыслью, чтобы убедиться свидетелем очевидца в том, что тайной мысли Пилата об Иисусе есть основание. Сотник подтвердил известие Иосифа, и Пилат велел отдать тело Иосифу; он рад был теперь это сделать, чтобы сколько-нибудь успокоить свою совесть, которая тревожила его за неправду суда. Смерть Иисуса была теперь засви-

детельствована в претории Пилата, а следовательно, тем вернее становилось событие воскресения Его.

Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, — приходивший прежде к Иисусу ночью (Ин. 19, 38 — 39).

Иосиф явился на Голгофу для снятия Иисуса с креста, когда воины, исполнители воли синедриона, едва только кончили свое дело над бездыханным телом Спасителя. В то же время явился на Голгофу и Никодим. Это был другой Иосиф. Он некогда приходил к Иисусу и слушал высокое учение Его о духовном возрождении (Ин. 3, 1 — 21). Он принадлежал к секте фарисеев, но не разделял ее неразумной ревности к букве закона и даже умерял иногда раздражительность своих товарищей против Иисуса. Когда фарисейская сторона синедриона, выслушав неприятный для нее отзыв об Иисусе от посланных взять Его, изрыгала хулы и угрозы, Никодим сказал в слух всем: *судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?* (Ин. 7, 51). По духу сказаний евангельских видно, что Иосиф и Никодим действовали в деле о погребении Спасителя по взаимному соглашению. Если к Пилату являлся с просьбою один Иосиф, то, конечно, потому, что пещера, где хотели погребать Иисуса, принадлежала Иосифу, и потому он действовал пред Пилатом как радушный хозяин, испрашивающий у Пилата дозволения принять у себя дорогого Гостя. Таким образом, Иосиф и Никодим сняли с креста тело Господа Иисуса. Два члена синедриона, два лица, уважаемые в целом народе и по богатству, и по знанию, и по личным достоинствам, снимают с креста своими руками тело Иисуса, снимают то тело, которое синедрион выставил как предмет общего презрения. Не громкая ли это проповедь не только о невинности, но и о высоком достоинстве Иисуса, преследуемого синедрионом? Синедрион заплатил Никодиму тем же, чем заплатил Иосифу. Он выгнал и Никодима со своего собрания и из Иерусалима.

Слушатели мои! Две черты особенно поражают в Иосифе и Никодиме: это сострадательная любовь их к Иисусу Христу и решимость, невзирая на опасности, исполнить долг сострадания. Отважimsя ли мы следовать их прекрасному примеру? Они счастливы, высоко счастливы тем, что могли оказать услугу сострадания Самому Господу Иисусу. Но не та же честь, не то же ли счастье может принадлежать и нам? Любовью к ближним мы можем выражать любовь нашу к Господу. Что сделаете для бедных, то сделаете

для Меня, и чего не сделаете для несчастных, не сделаете для Меня (Мф. 25, 37 — 40). Так сказал нам Господь наш! Видите, как много значит сострадательная любовь! Как отказываться нам от дел милосердия, от подвигов сострадания? Как не принимать на себя самых тяжелых трудов, самых неприятных для самолюбия подвигов в пользу бедных и страждущих, когда знаем, что, трудясь для них, мы трудимся для Господа? В каком бы виде ни являлось пред нами страждущее человечество, в каком бы виде ни пришлось нам подать помощь и утешение бедному человечеству, не будем упускать ни одного случая делать доброе, с твердою мыслью, что нашу услугу людям Господь относит к Себе и, без сомнения, воздаст нам за дело любви в вечности. Нет у нас средств делать многое для страждущих — будем делать, что можем. Будет мзда и за наше не-многое, лишь бы было оно от сердца искреннего. Верьте, и слеза, пролитая о страждущем, не будет забыта, и слово ласковое, сказанное бедняку, припомнят там, и кусок хлеба, для нас, может быть, ненужный, но вкусный для голодного, которому отдадим его, не пропадет для нас, и одежда ветхая, которой прикроем наготу беспомощного, нам же будет на пользу. Иосиф и Никодим творили дело сострадания, не имея в виду ни славы, ни корысти, — напротив, за их подвиг ожидала их ненависть людей. Не будем печальны, если и нам за наше добро придется потерпеть неприятности: тогда двойная нам награда — и за дело любви, и за терпение скорби. Мало пользы нам тогда, как на земле отдадут нам наше, мало пользы, когда будем трубить о благотворительности нашей. Если же соберем на пир нищих, увечных, хромых, слепых, то счастливы мы, счастливы оттого, что им нечем заплатить нам и нам заплатят во время воскресения праведников (Лк. 13, 13 — 14).

Богу нашему слава! Аминь.

